

*Каждый из нас хоть раз задавался вопросом:
«Монстр ли я, или все это тоже
часть бытия человеком?»*

Клариси Лиспектор

Пролог

— Будет больно? — спросил он.

— Я не знаю, — ответила она.

Они ныряли в неизведанные воды вместе, и это должно было хоть чуть-чуть успокаивать, но он чувствовал только, как море в его крови бурлит и пенится, как мысли бьют по черепу якорями и как дрожащие руки проводят по его шее сзади, чуть ниже линии роста волос. Проводят, замирают — и перестают дрожать.

Когда-то ему рассказывали легенду о ведьме, которая помогла жившей на морском дне девушке попасть на сушу. Его ведьма оказалась куда менее опытной, но хотя бы не потребовала взамен голос. Она не потребовала вообще ничего, хотя он просил о многом. Мало кто в этом городе рискнул бы изменить чужую судьбу.

Он запомнил странную легкость — будто из него вынули все лишнее и оставили лишь то, что делало его собой. Запомнил отчетливый щелчок лезвий. Запомнил

ослепляющий свет, крик «Убирайся скорее отсюда!» и как один из механогов утащил его прочь. Запомнил, что выкатился из его кабины на песок, едва открыл глаза, — у этих моделей быстро расшатывались нити на панелях у самых сидений.

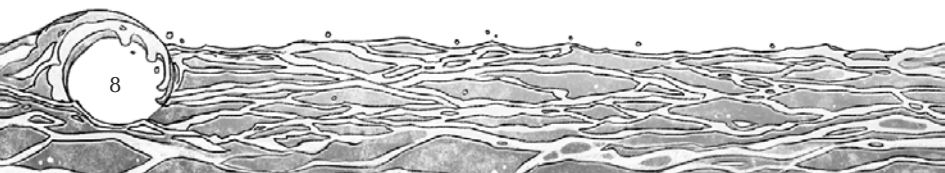
А потом он оглянулся и забыл, как сюда попал. Но он был здесь, и до моря оставалось совсем немного. И это главное.

Дорога к спасению привела его в туман. Серость разливалась по побережью и перетекала в морскую гладь: ни шва, ни зацепки. В ней утопали деревья и терялись все пути: под ногами давно хлюпала грязь, сменившая утопанные колеи тракта. Дважды или трижды он чуть не потерял сапоги: грязь была въедливой и словно голодной. Он не удивился бы, если бы она в самом деле начала кусать его за пятки.

Об этих краях мало говорили — а если говорили, то шепотом, склоняя головы и переплетая с собеседником дыхание, чтоб, не дай Ткачи, не унес ветер. Иные слова лучше хранить, как тайну. Как первенца. Как сокровища короны. Иные слова, услышанные случайно, могут привести на путь, который от тебя всегда скрывали. Путь, кроме которого у тебя не осталось ничего.

Он не мог даже вспомнить того, кто ему помог. Может, это и оказалась плата? Кажется, глаза у него — у нее? — были темны, как ночное небо. Кажется, руки его — ее? — дрожали поначалу, а потом перестали.

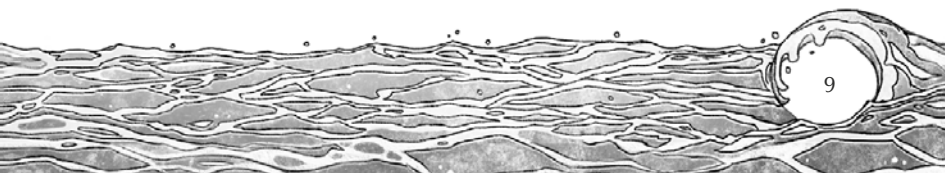
Он прибавил шагу: воздух наполнился солью и криками птиц, которых к востоку отсюда почти не водилось. Ах, если бы его собственные пути были такими же черными белыми, как они.

Грязь сменилась песком, песчинки быстро проникли в обувь и поселили в голове дурацкую мысль, что от сапог стоит избавиться. Бороться с ней было на удивление сложно. Пробриться сквозь плотную ткань плаща туман не мог и нашел обходной путь: тонкие шупальца прохлады заползли по запястьям в рукава и свернулись там, как ищавшие тепла котята. Начали постукивать зубы: звук тоже не особо привычный. От него звенело в ушах, и сквозь звон этот крики птиц превращались в крики о помощи.

Он оборачивался все чаще и чаще, ища ту сторону, в которой должно взойти спасительное солнце. Проверить бы, взойдет ли оно вообще. Сколько он уже брел, понуриив голову, прислушиваясь к хлопанию грязи и далеким шорохам? Надеюсь, что не услышит скрипа колес, или хрипов королевских скакунов, или еще хуже — знакомого имени, разносящегося по незнакомым холмам? Может, уже и не мог слышать: уши закладывало, тишина плавно обретала голос, высокий и звенящий, буравящий голову, как вражеское копьё. Как звуки, каждую среду доносившиеся из окон комнаты, где занимались вокалом. Как властный голос одного из мастеров Цеха, того, что оплел Воздушную гостиную магией, не дававшей солгать. Как приказы матери, эхом отдававшиеся в углу этого зала...

Земля ушла из-под ног: он вскрикнул и проехался по небольшому склону, хватаясь пальцами за клочья тумана. Песок теперь был повсюду: в сапогах, в волосах, даже скрипел на зубах. Он тихонько выругался, а потом улыбнулся: выглядел он сейчас, должно быть, абсолютно нелепо. Стоило все же смотреть под ноги... Туман ведь не был настолько густым.

Он поднялся не с первого раза: песок спешил убраться из-под ступней, и пришлось осторожнее выбирать, куда ступать. К счастью, кое-где побережье поросло травой, и корни ее делали дорогу хоть чуть-чуть надежнее. Он выпрямился, стряхнул с плаща часть песка и пошел — вроде бы — в сторону заката. В сторону своей свободы.

Туман становился плотнее. Он ждал, что завесу вот-вот пронзят солнечные лучи, но вокруг становилось лишь еще холоднее и серее. Он едва мог различать свою вытянутую руку. Легкие жгло, дыхание становилось тяжелым и хриплым, ноги отказывались слушаться...

В вышине забрезжил свет. *Наконец-то!*

Так, наверное, ощущали себя Ткачи, когда увидели среди звезд берег и причалили к бухте мира, истощенные, но полные надежды... а потом выбрались на берег и опутали его паутиной лжи и слепого поклонения.

Он снова прибавил шагу. Распахнул плащ, который удерживал одной рукой. Чуть не упал, запутавшись в складках. Справа что-то хлопнуло, а потом зашипело. Громче. Еще громче. Он потянулся к кинжалу на поясе, но пальцы схватили пустоту. Выронил? Когда? Там, на холме, у границы песка с дорогой?

Стук собственного сердца оглушал. Но шипение уже переплеталось с первыми нотами песни.

Песни, о существовании которой он не знал, но которую всегда хотел услышать. Песни, которая окутывала его, подобно туману, держала крепче, чем материнские объятия. Проникала вглубь — находя то, до чего он сам никогда не докапывался. Видела его таким, каким никто не видел. И готова была все это принять. Приветствовать. Воплотить.

Он оставил поиски оружия. Выпрямился. Улыбнулся.
Закрыв глаза.

Забыл, зачем пришел и откуда уходил.

Сделал глубокий вдох.

И слушал, как ритм сердца сплетается с песней, — пока туман не проглотил его.

